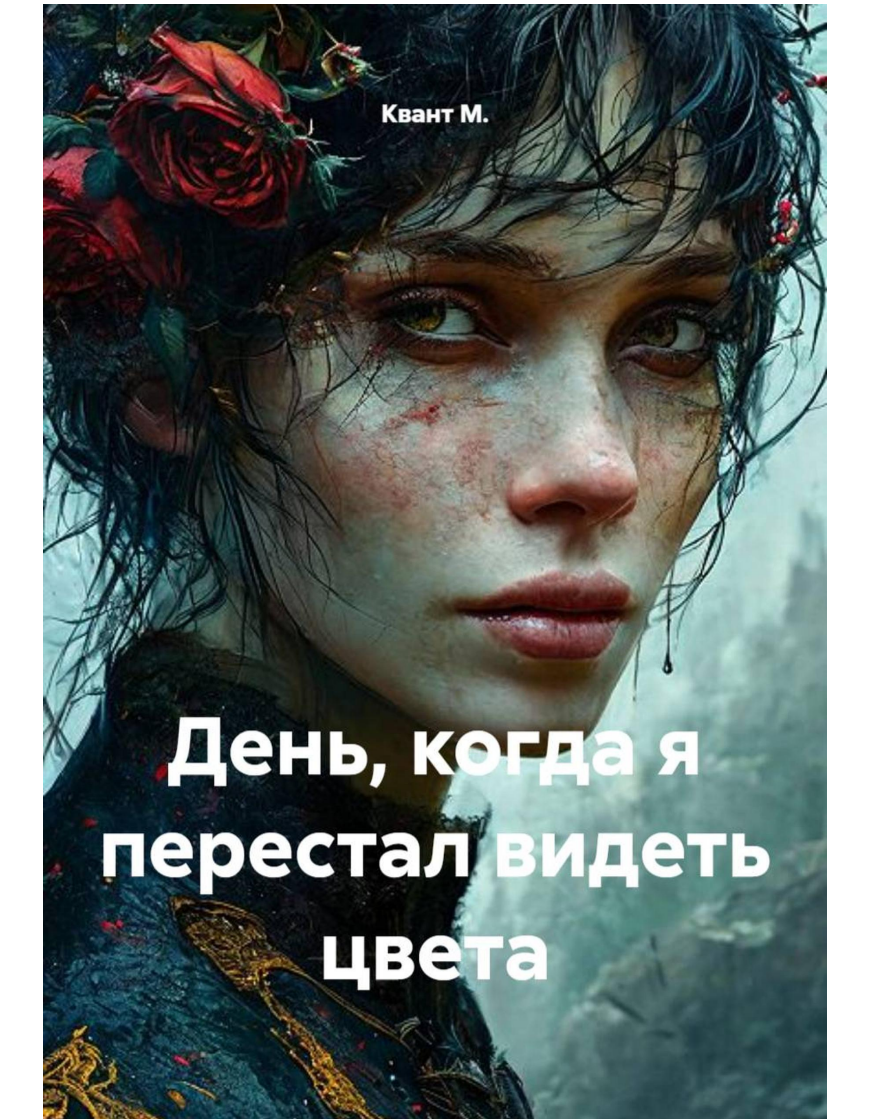

Квант М.

**День, когда я
перестал видеть
цвета**

Квант М.

День, когда я перестал видеть цвета

<https://litres.ru/74405039>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мрачная психологическая фантастика о человеке, теряющем способность видеть цвета окружающего мира. Главный герой обнаруживает, что исчезновение красок связано с загадочной тенью, требующей от него всё более дорогих душевных жертв.

Чтобы вернуть цвета, ему приходится отдавать части собственной души — чувства, эмоции, воспоминания. С каждой новой сделкой он всё ближе к тому, чтобы перестать быть человеком.

Книга исследует темы цены выбора, потери человечности и борьбы за сохранение себя в мире, где реальность определяется не только физическими законами, но и метафизическими правилами загадочной игры.

Содержание

Глава 1. Точка невозврата	4
Глава 2. Цена синевы	22
Глава 3. Жёлтый шёпот	42
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Квант М.

День, когда я перестал видеть цвета

Глава 1. Точка невозврата

Мир, который я знал, умер не в одночасье. Он не взорвался, не рассыпался пеплом и не утонул во мраке. Он умирал тихо, методично и неумолимо, как умирает от болезни старый, истощённый организм. Я стал свидетелем агонии цвета, и самым страшным было то, что никто, кроме меня, этого не замечал.

Всё началось во вторник. Именно во вторник, потому что понедельник был ещё пропитан обычной серой рутинной, а во вторник я позволил себе ненадолго остановиться и посмотреть по сторонам. Я стоял на перекрёстке, ожидая зелёного сигнала светофора, и рассеянно наблюдал за рекой людей, перетекающей с одной стороны проспекта на другую. Дул пронизывающий ветер, пахло мокрым асфальтом и выхлопными газами. Я сунул озябшие руки в карманы пальто и перевёл взгляд на здание напротив — старинный особняк с кирпичным фасадом, который местные власти всё грозились отреставрировать. Кирпич был... странным.

Я нахмурился, пытаюсь подобрать слово. Кирпич был правильного размера, правильной кладки, но он не был красивым. Он был не того цвета. Вместо насыщенного терракотового, почти бордового у тёмных пятен сырости, он выглядел так, словно его вымочили в растворе марганцовки, а затем высушили на солнце. Слишком блёклый, слишком... бесцветный. Я моргнул, предполагая, что виной тому низкое серое небо, дающее тусклый, рассеянный свет. Но ощущение неправильности не проходило.

Сигнал светофора сменился. Толпа качнулась вперёд, увлекая меня за собой. Я шёл и смотрел на мир с неприятным, саднящим чувством, будто в глаз попала соринка, которую никак не вымыть. Красная вывеска кофейни «Жар-птица» на углу выглядела погасшей. Алый бант на шее у девочки, прошедшей мимо с мамой, показался мне выцветшим, будто его постирали сотню раз. Красный цвет словно смыли с поверхности реальности.

Войдя в офис, я поднялся на свой этаж и сразу направился к кулеру. Наполняя стакан ледяной водой, я искоса взглянул на коллегу, Марину, которая стояла у окна с чашкой кофе. На ней был бордовый свитер, который я всегда мысленно называл «винным». Сегодня он был... коричневым. Просто коричневым, тусклым, как засохшая грязь.

— Марин, — позвал я, отхлебывая воду. Она обернулась.
— У тебя свитер новый?

Она удивлённо посмотрела на свой рукав.

— Нет, тот же. А что?

— Да так. Выцвел, наверное?

Марина пожала плечами.

— Вроде нет. Обычный цвет.

Обычный цвет. Я ещё раз взглянул на свитер. В памяти он был другого оттенка, более глубокого, живого. Теперь он был плоским, как акварель, размытая большим количеством воды. Я списал это на плохое освещение, на усталость, на что угодно, лишь бы не думать о том, что мир, каким я его знал, начал покрываться трещинами.

День пролетел незаметно, растворившись в бесконечных отчётах и совещаниях. Вечером я вышел на улицу, надеясь, что свежий воздух прогонит наваждение. Город окутали ранние осенние сумерки. Я шёл по набережной, мимо фонарей, которые ещё не включились, мимо пустых скамеек и мокрых деревьев. Мир был тих и задумчив. И тут я увидел её.

Женщина в красном плаще стояла на краю пешеходного мостика, опершись на перила. Красный плащ. Это было единственное пятно цвета во всём окружающем меня сером мареве. Оно пульсировало, дышало, притягивало взгляд, как раскалённый уголёк в куче пепла. Я остановился как вкопанный. Сердце забилося часто-часто. Значит, красный не исчез? Значит, я всё-таки ошибался?

Я сделал шаг к ней, другой. Плащ развевался на ветру, но лицо женщины было размытым. Не в прямом смысле — просто я стоял слишком далеко. Я хотел подойти ближе, чтобы

рассмотреть его черты, убедиться, что с этим пятном цвета всё в порядке. Но что-то меня остановило. Ноги словно приросли к брусчатке. Внутренний голос, тихий и вкрадчивый, прошептал: «Не подходи».

Я простоял так несколько минут, глядя на женщину. Она не двигалась. Потом она медленно повернула голову в мою сторону. Я не увидел её глаз, но почувствовал взгляд. Взгляд, который пробирал до костей, заставляя холодеть затылок. А затем она отвернулась и пошла прочь, скользя по мокрому тротуару, как призрак. Красное пятно удалялось, таяло, пока совсем не растворилось в серой пелене дождя, который начал накрапывать.

Я остался один. Вокруг меня был мир, лишённый красного цвета. Теперь я был в этом уверен. Это не освещение, не усталость, не ошибка зрения. Красный исчез. Исчезли алые зори, закаты, тюльпаны, флаги, помада на губах прохожих, кетчуп на витрине закусочной. Исчезло тепло. Я вдруг осознал, что замёрз. Внутренне, глубинно, как будто из меня вынули некий невидимый стержень, отвечавший за жар.

Ночью мне снились кошмары. Я стоял на бесконечной равнине, залитой красным светом. Свет этот был не от солнца, а от самой земли, как будто она была раскалена изнутри. Вдалеке стояла та самая женщина в плаще. Она простирала ко мне руки, но чем ближе я подходил, тем дальше она оказывалась. И всё время звучал голос — низкий, шелестящий, как сухие листья под ветром. Он повторял одно и то же сло-

во, но я никак не мог его разобрать. Оно ускользало, распалось на слоги, оставляя после себя лишь звон в ушах.

Я проснулся на рассвете, разбитый и вспотевший. Первым делом подошёл к окну. Небо было бледно-серым, без единого проблеска зари. «Небо и не обязано быть алым», — успокоил я себя. «В пасмурный день это нормально». Я сварил кофе, включил новости. Диктор говорил о снижении курса валюты, о пробках на кольцевой. На экране мелькали кадры с красной ковровой дорожки — какая-то премьера. Дорожка была тускло-коричневой. Я выключил телевизор.

День прошёл в тумане. Я ловил себя на том, что разглядываю предметы, пытаюсь определить, какие ещё оттенки изменились. Зелёный пока держался. Листва на деревьях была привычно-тусклой, но всё же зелёной. Синий — цвет джинсов и осеннего неба в разрывах туч — тоже был на месте, хотя, возможно, стал чуть более холодным. Красный исчез. Это стало аксиомой.

Вечером я сидел в своей гостиной, тупо уставившись в стену. На журнальном столике стояла ваза с засохшими розами. Когда-то они были алыми. Теперь их лепестки были пепельно-серыми, как старые газеты. Я взял один цветок в руки, покрутил. Даже запаха не осталось. Только сухая пыль.

И вдруг я увидел тень.

Она скользнула по стене, смазанная и нечёткая, как отражение в мутном стекле. Я резко обернулся, но в комнате никого не было. Только мерный гул холодильника с кухни и

шум дождя за окном. Я снова посмотрел на стену. Тень была на месте. Она не принадлежала ни мне, ни мебели. Это была некая абстрактная форма, сгусток серого, который слегка колыбался, как дым. По моей спине пробежал холод.

— Кто здесь? — тихо спросил я в пустоту. Голос прозвучал глухо и как-то жалко.

Тень не ответила. Она лишь слегка сдвинулась, приняв очертания высокого человека. Или не человека. Фигура была непропорционально длинной, с вытянутыми конечностями и головой, склонённой набок. Она напоминала тень от карликового дерева, отброшенную на стену закатным солнцем, только огромную и живую.

Я не спал. Я был уверен, что не сплю. Я щипал себя за руку, тёр глаза, включал и выключал свет. Тень не исчезала. Более того, она, казалось, наблюдала за мной с каким-то холодным, отстранённым любопытством.

— Чего ты хочешь? — снова спросил я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Тень шевельнулась. Одна из её длинных рук, если можно так назвать конечности этого существа, поднялась и указала на вазу с засохшими розами. Я перевёл взгляд. Розы оставались серыми. Затем рука тени указала на меня. Мне стало по-настоящему страшно. Это не было игрой воображения. Это был контакт. Меня обозначили.

Я попытался встать, но ноги не слушались. Мышцы сковало невидимой силой. Я мог только сидеть в кресле и смотре-

реть, как тень медленно отделяется от стены. Она стала объёмной. Как дым, она поплыла ко мне, заполняя комнату запахом озона и старой библиотеки. Я зажмурился, ожидая чего-то ужасного, но ничего не произошло. Когда я открыл глаза, тень снова была на стене. Но теперь внутри неё, в том месте, где у человека находится грудь, пульсировало маленькое пятно. Оно было цветным. И цвет его был... красным.

Я вскочил с кресла. Ноги налились свинцом, но я доковылял до стены и протянул руку. Коснуться тени я не решился, лишь провёл ладонью в сантиметре от неё. Пятно продолжало пульсировать, гипнотизируя.

И тут раздался шёпот. Он исходил не из тени, а отовсюду и ниоткуда одновременно. Он проникал прямо в голову, минуя уши.

«Красный. Верни его».

Я отшатнулся.

— Как? — выдохнул я.

Тень медленно, как масляное пятно, расплзлась по стене, оставив на обоях еле заметный след, похожий на копоть. И в воздухе повисло единственное слово, ясное и чёткое, как удар колокола:

«Отдай».

Я не знал, что именно должен отдать. Не знал, кому. Не знал, зачем. Но я понял, что стал частью некой чудовищной игры, правил которой мне никто не объяснит. Мир терял цвета, и только я это видел. Только я мог что-то изменить.

Утром я проснулся на полу в гостиной, одетый в ту же рубашку, что и вчера. Ваза с розами стояла на столе нетронутой, но цветы были уже не серыми, а... белыми. Ослепительно белыми, как свежий снег. Красного в них не было и намёка. В комнате было холодно, хотя батареи работали исправно. Я подошёл к зеркалу и уставился на своё лицо. Оно показалось мне чужим. Черты те же, но в них появилась новая глубина — как в лицах людей, переживших клиническую смерть. Я долго вглядывался в собственные глаза, пытаюсь понять, что изменилось. Они были светло-карими. Но раньше в них было больше... золота? Тепла?

Я сварил кофе и сел у окна. Дождь прекратился, небо разъяснилось. Я посмотрел на крыши домов. Красные черепичные крыши были бурыми. Алое бельё, сушившееся на балконе соседнего дома, выцвело до серо-розового. Зелёные деревья казались более тусклыми, чем вчера.

«Синий», — подумал я вдруг с ледяным спокойствием. — «Следующим будет синий».

Эта мысль не была предположением. Это было знание, которое пришло извне, как откровение. Тень сказала «красный», и он ушёл. Она показала на меня. Значит, я был следующим звеном в цепочке. Но что я должен был отдать? Какой поступок совершить?

Я встал и начал ходить по квартире. Движение немного успокаивало. Я останавливался у полок с книгами, у старых фотографий, у сувениров, привезённых из путешествий. Всё

это казалось теперь частью какого-то другого, далёкого мира. Мира, где был цвет.

На глаза попалась фотография в деревянной рамке. На ней мы с Аней на берегу моря. Солнце, песок, её жёлтый сарафан. Я поднёс снимок к свету. Жёлтый сарафан стал цвета грязного лимона. Аня улыбалась, но её лицо показалось мне размытым. Не на фотографии — в моей памяти. Я помнил её улыбку, её глаза, её смех. Но черты лица, мелкие детали, родинки на щеке — всё это начало стираться, как старая фреска под дождём.

Я испугался. По-настоящему, животным страхом. Я прижал фотографию к груди и закрыл глаза, пытаюсь удержать образ. Аня. Волосы цвета тёмного мёда, разметавшиеся на ветру. Серёжки — маленькие серебряные капельки. Губы, тронутые персиковым блеском. Всё это таяло. Лицо становилось пятном, силуэтом, абстракцией.

«Нет!» — мысленно закричал я. — «Я не хочу забывать!»

Тень не появилась, но я ощутил её присутствие. Она была где-то рядом, за пределами видимого, но я знал: она наблюдает. Она ждёт. Она плетёт свою паутину.

Вечером я позвонил Ане. Мы не разговаривали уже несколько месяцев, после глупой ссоры, которую я сам раздул из-за гордости. Гудки шли долго. Я уже хотел сбросить вызов, как она ответила.

— Алло? — её голос был далёким и настороженным. — Максим? Что-то случилось?

Я хотел ей всё рассказать. Про цвета, про тень, про страх, который пожирает меня изнутри. Но слова застряли в горле. Как объяснить необъяснимое? Как не показаться сумасшедшим?

— Ань, — проговорил я наконец. — Ты помнишь наш спор? Ну, тогда... Я был неправ. Прости меня.

В трубке повисла тишина. Я слышал только её дыхание.

— Максим, это всё, ради чего ты звонишь? — в её голосе слышалось раздражение. — Спустя четыре месяца? Ты серьёзно?

— Да, — сказал я. — Я серьёзно. Я много думал. Я...

Я не мог сказать о главном. О том, что боюсь забыть её лицо. Что мир рушится, и она — единственная якорь, который может удержать меня от безумия.

— Максим, я не могу так с ходу. Это всё не просто. Ты обидел меня. Очень.

— Знаю. Но, может, встретимся? Просто поговорим. Я приеду.

Она вздохнула.

— Я подумаю. Дай мне время.

— Хорошо, — покорно согласился я. — Просто... не исчезай, ладно?

— Постараюсь, — сухо ответила она и положила трубку.

Я сидел в темноте, сжимая телефон. Разговор не принёс облегчения. Наоборот, стало ещё тяжелее. Я осознал, насколько эгоистичен был мой звонок. Мне было страшно за

себя, за свою память, за своё восприятие. А ей было больно. И эта боль была настоящей, человеческой, не имеющей отношения к мистике.

Ночью тень пришла снова.

Я лежал в кровати, глядя в потолок. Луна за окном была яркой, почти полной. В комнате было светло. И вдруг свет начал гаснуть, словно кто-то медленно закрывал небесный фонарь рукой. Темнота сгустилась, и в ней проступили очертания высокой фигуры.

На этот раз я не стал прятаться или кричать. Я сел на кровати и посмотрел прямо на неё.

— Что тебе нужно? — спросил я устало.

Тень не пошевелилась. Затем в её груди снова запульсировало красное пятно. Теперь оно было больше, ярче. Оно походило на сердце, вырванное из груди и подвешенное в воздухе.

«Отдай», — прошепел голос.

— Что отдать? — я повысил голос. — Скажи конкретно!

Тень медленно подняла руку и указала на окно. Я перевёл взгляд. За стеклом, в лунном свете, был виден старый тополь, росший во дворе. Его листья дрожали на ветру. Потом тень указала на мою грудь. На сердце.

— Себя? — прошептал я. — Ты хочешь, чтобы я отдал себя?

Ответом была тишина. Пятно в груди тени запульсировало быстрее, как будто в такт моему сердцебиению. Я чув-

ствовал, как оно резонирует со мной, тянет из меня что-то, без чего жизнь становится пустой и бессмысленной.

Я зажмурился. «Это сумасшествие. Шизофрения. Опухоль мозга. Что угодно, но не реальность». Но отрицание не работало. Слишком много доказательств. Слишком явным было исчезновение красного. Слишком живой была тень.

Когда я открыл глаза, комната была пуста. Тени не было. Только на стекле остался еле заметный конденсат в форме ладони. Я подошёл и коснулся его. Холодный. Очень холодный.

Утром я позвонил на работу и взял отгул. Мне нужно было подумать. Я бродил по городу, разглядывая прохожих, вывески, витрины. Мир стал ещё бледнее. Исчез не только красный, но и оранжевый. Апельсины на прилавке были какими-то зеленовато-жёлтыми. Осенние листья — грязно-жёлтыми. Даже огни светофоров казались тусклыми и неживыми.

Я зашёл в кофейню, взял чёрный кофе, сел у окна. Напротив меня, через улицу, находился парк. Мама с колясками, старики с газетами, молодые пары на скамейках. Всё как обычно. Но лица. Я начал замечать, что лица некоторых людей становятся размытыми. Не у всех, а выборочно. Как будто кто-то стёр ластиком их черты, оставив лишь общий овал. Жуткое зрелище. Я подумал, не схожу ли я с ума. Но потом понял логику: размывались лица тех, к кому у меня не было никаких эмоциональных привязок. Чем безразлич-

нее мне был человек, тем быстрее он терял лицо. Дворник, метущий листву, — силуэт без глаз. Продавщица в киоске с прессой — белое пятно. А вот старик с собакой, который напомнил мне деда, — у него ещё сохранились глаза и улыбка.

Это было чудовищно. Я сидел в кофейне, смотрел на этот безликий мир, и меня трясло. Я заказал ещё кофе, но не мог пить. Руки дрожали. На салфетке я нарисовал красный круг — просто из потребности увидеть этот цвет. Но карандаш, которым я рисовал, был красным только по названию. На бумаге оставался след тусклого кирпичного оттенка. Я скомкал салфетку.

Вдруг в кафе зашла женщина. На ней было красное пальто. То самое. Я узнал его. Тот же фасон, та же длина, тот же оттенок... но теперь оно было бурым. И лицо женщины было размытым. Я уставился на неё, затаив дыхание. Она подошла к стойке, заказала чай, села за столик в углу. Её движения были плавными, но какими-то неестественными, как у заводной куклы. Я наблюдал за ней, не в силах оторваться.

Она не смотрела на меня. Пила чай, глядя в одну точку. И вдруг я услышал шёпот. Он доносился со всех сторон:

«Следуй за ней. Не сейчас. Позже. Узнаешь, что отдать».

Я вздрогнул. Это было не указание, а приглашение. Я должен был следовать за этой женщиной. За призраком в красном пальто. За последним осколком утраченного цвета.

Она допила чай, оставила чашку и вышла. Я вскочил, бросил на столик деньги и поспешил за ней. На улице было хо-

лодно, ветер пробирал до костей. Она шла быстро, не оборачиваясь. Я держался на расстоянии, прячась за прохожими. Мы шли по набережной, мимо моста, где я видел её впервые. Потом она свернула в узкий переулок. Я последовал за ней, хотя сердце колотилось где-то в горле.

Переулок был пуст. Старые кирпичные стены, мусорные баки, кошки. Женщина остановилась у глухой стены и повернулась ко мне. Её лица по-прежнему не было видно — только серое пятно. Но я чувствовал её взгляд. Пронзительный, немигающий.

— Чего ты хочешь? — спросил я, переводя дух.

Она не ответила. Подняла руку и указала на моё отражение в луже у ног. Я опустил взгляд. В мутной воде отражался не я. Точнее, я, но другой. В отражении моё лицо было ярким, живым, с чёткими чертами. А рядом со мной стояла тень. Она была огромной и чёрной, как сгусток ночи. Тень наклонялась к моему уху и что-то шептала.

Я отшатнулся. Взглянул на женщину. Она всё ещё указывала на лужу.

— Отдай то, что боишься потерять, — произнесла она голосом, который я не услышал, а почувствовал.

И тут я понял. С ужасающей ясностью, от которой внутри всё оборвалось. Я должен отдать не вещь. Я должен отдать эмоцию. Чувство. Воспоминание. То, что делает меня мной. Страх. Сожаление. Любовь.

Первым цветом был красный. Красный — цвет страсти,

гнева, любви, крови. Значит, чтобы вернуть красный, я должен отдать... любовь? Или гнев?

— Что именно? — прошептал я, но женщина уже уходила.

Она растворилась в тумане, который начал наползать с реки. Я остался один. Лужа у моих ног потемнела. Отражение исчезло.

Я медленно побрёл домой. В голове крутилась одна мысль: «Точка невозврата пройдена». Теперь у меня есть выбор. Вернуть цвета, но потерять часть себя. Или остаться человеком, но жить в сером, безликом мире.

Я выбрал бороться. Но я ещё не знал, чем именно придётся пожертвовать.

Вечером я сел за стол, достал лист бумаги и написал список всех вещей, которые были для меня важны. Аня. Работа. Воспоминания о детстве. Друзья. Книги. Музыка. Способность чувствовать красоту. Я смотрел на этот список и понимал, что всё это — лишь разменная монета в игре, правил которой я не знаю.

Тень снова появилась. На этот раз она не была страшной. Она была... терпеливой. Она стояла в углу комнаты, как молчаливый наблюдатель, и ждала, пока я сделаю первый ход.

Я не выдержал.

— Почему я? — спросил я, глядя на неё.

Тень не ответила. Только в её груди снова запульсировало красное пятно. Теперь оно было похоже на открытую рану. Из неё капала... краска. Ярко-алая, светящаяся, она стекала

по чёрному телу тени и исчезала, не достигая пола.

— Отдай, — снова произнёс шёпот. — Ты знаешь, что отдать.

Я знал. Я знал с того самого момента, как увидел лицо Ани на фотографии. Я должен отдать боль. Ту самую боль, которая грызла меня после расставания. Ту самую, которая не давала спать ночами и заставляла звонить ей после месяцев тишины. Я должен был отпустить её. Отказаться от этой боли. Перестать цепляться за неё.

Но как отказаться от боли, если она — единственное, что связывает меня с прошлым? Если она — единственное доказательство того, что я всё ещё чувствую?

— Я не могу, — прошептал я.

Тень шевельнулась. Пятно запульсировало быстрее.

«Тогда синий тоже уйдёт».

Я вскинул голову. За окном сгущались сумерки. Небо было тёмно-серым, но уже почти чёрным. Исчез не только синий цвет, но и его оттенки. Я подошёл к окну. На стене соседнего дома сияла неоновая вывеска. Она была синей. Но теперь она горела белым, почти слепящим светом. Синий уходил. Медленно, но неотвратно.

Я сжал кулаки. Передо мной стоял выбор. Не сделать ничего и потерять всё. Или сделать шаг в неизвестность и, возможно, вернуть краски. Вернуть цвет. Вернуть лица.

Я закрыл глаза и начал вспоминать Аню. Её смех. Её волосы. Её глаза. Нашу последнюю встречу, когда мы кричали

друг на друга в пустой квартире. Её слёзы. Мою гордость, которая не позволила попросить прощения сразу. Я воскресил всю эту боль, до последней капли. И я сказал вслух:

— Я отпускаю её. Я больше не буду держать в себе эту боль. Я прощаю себя. И её. Я отдаю это.

Слова повисли в воздухе. Ничего не произошло. Тень не шевельнулась. Пятно не запульсировало. Я открыл глаза.

И тут я увидел.

На столе, в вазе, засохшие розы начали наливаться цветом. Сначала слабо, как будто кто-то дул на тлеющие угли. Потом всё ярче, всё насыщеннее. Алый, багряный, пурпурный. Они стали красными. Ослепительно, невозможно красными. Как свежая кровь на снегу.

Я засмеялся. Смех получился истеричным, но облегчение было неопишваемым. Это сработало. Боль, отпущенная мной, стала топливом для возвращения цвета. Красный вернулся.

Я подбежал к окну. Неоновая вывеска сияла прежним синим светом. Листва на деревьях казалась зеленее. Мир наполнялся красками, как фотография в проявочной ванне.

Но тут я заметил кое-что ещё. Моё отражение в оконном стекле. Лицо стало бледнее. Глаза — пустыми. Из них ушло что-то важное. Что-то, что делало меня живым.

Я обернулся. Тень всё ещё стояла в углу. Она стала ещё плотнее, ещё реальнее. Пятно в её груди уменьшилось, но не исчезло. Оно было насыщенного, глубокого красного цвета. Оно пульсировало в такт моему сердцу.

«Ты сделал первый шаг», — произнёс шёпот. — «Теперь ты видишь. Возвращение требует жертв. Чем больше отдаёшь, тем больше получаешь. Чем больше получаешь, тем меньше остаётся тебя».

Я опустил в кресло. Мне было плохо. Тошнило от осознания. Я не вернул цвета — я обменял их на часть своей души. Сделка с тенью состоялась. И это только начало.

Я знал, что будет дальше. Появится новый цвет. Или, наоборот, исчезнет следующий. И тень снова придёт, чтобы забрать своё.

Книга моей жизни открылась на первой странице. И название у неё было страшное: «День, когда я перестал видеть цвета».

Я не знал, сколько ещё глав в этой книге. Но я знал, что каждая из них будет стоить мне частицы самого себя. И я был готов платить.

По крайней мере, я так думал.

Глава 2. Цена синевы

Я проснулся с ощущением, будто внутри меня поселился кто-то другой. Нет, не другой — скорее, будто из меня вынули некую важную внутренность, оставив после себя зияющую, ноющую пустоту. Словно вырвали зуб, а на его месте осталась лунка, которая всё ещё кровоточит, хотя рана уже затянулась тонкой плёнкой. Я лежал в постели, глядя в потолок, и пытался понять, что именно изменилось. В комнате было непривычно тихо. Даже холодильник на кухне, который раньше гудел с равномерностью метронома, сейчас молчал, будто выжидал. Я прислушался к себе. Внутри было тихо. Слишком тихо.

Я сел на кровати и огляделся. Утренний свет, пробивавшийся сквозь неплотно задёрнутые шторы, казался ярче, чем обычно. В нём было больше жёлтого, тёплого, почти осязаемого. Я посмотрел на вазу с розами. Они стояли на журнальном столике, и их цвет был настолько насыщенным, что у меня защипало в глазах. Красный. Настоящий, живой, пульсирующий. Оттенки переливались: от алого у основания лепестков до густо-багрового на самых кончиках, где они уже начали подсыхать. Это было красиво. Так красиво, что захотелось плакать.

Но внутри меня что-то не отзывалось. Я смотрел на эту красоту, но не чувствовал радости. Не было ни восторга, ни

облегчения, ни даже простого удовлетворения от того, что вчерашняя сделка с тенью сработала. Была только холодная констатация факта: красный вернулся. Я встал, подошёл к окну и распахнул шторы.

Город просыпался. Солнце поднималось над крышами, окрашивая небо в нежные персиковые тона. Но небо... Небо было какого-то странного оттенка. Слишком бледного. Словно акварель, размытую большим количеством воды. Я прищурился. У линии горизонта небо было почти белым, а выше приобретало едва уловимый голубоватый отсвет. Но даже этот голубой был каким-то ненастоящим, словно выцветшая фотография из старого журнала.

«Синий», — прошептал я, и это слово отозвалось в груди глухой, ноющей болью. — «Он уходит».

Я помнил, как вчера вечером неоновая вывеска на соседнем доме снова зажглась синим, словно ничего и не было. Но то был краткий миг, всплеск, вызванный отданной болью. Теперь же синий снова начал таять. Медленно, неотвратимо, как вода, уходящая в песок. Я упёрся лбом в холодное стекло и закрыл глаза. «Почему снова? Почему так скоро?» — мысленно спросил я тень. Ответа не было. Только шум ветра за окном.

Я долго стоял так, пытаюсь собрать мысли воедино. Вчерашняя эйфория от возвращения красного испарилась, оставив после себя горький осадок. Теперь я понимал: это не победа. Это лишь отсрочка. Мир будет и дальше терять цвета,

а тень будет приходить снова и снова, требуя новых жертв. Мне нужно было понять, как работает этот механизм. Почему красный вернулся после того, как я отпустил боль, связанную с Аней? Что это было — совпадение или закономерность? И почему синий начал исчезать так скоро после этого?

Я отошёл от окна и направился на кухню. Налил воды в чайник, поставил на плиту, зажёл газ. Огонь под чайником был призрачно-синим. Я замер, глядя на него. Синий. Он ещё был здесь. Живой, мерцающий, настоящий. Но даже он казался тусклее, чем прежде. Я провёл рукой над конфоркой, чувствуя жар. Жар был настоящим. Значит, дело не в физике, а в моём восприятии. Цвета уходили не из мира — они уходили из меня. Из моего разума. Из моей души.

Закипел чайник. Я заварил кофе, сел за стол. На столе лежал мой вчерашний список: Аня, работа, воспоминания о детстве, друзья, книги, музыка, способность чувствовать красоту. Я перечитал его, и мне стало не по себе. Все эти пункты казались какими-то чужими, будто принадлежали другому человеку. Тому, каким я был до того, как перестал видеть цвета. Тому, кто ещё умел радоваться и плакать.

Я взял ручку и перечеркнул слово «боль». Боль ушла. Я отдал её добровольно. Вместе с ней ушла и та часть меня, которая цеплялась за прошлое, за вину, за обиду. Стало ли мне легче? В каком-то смысле да. Я больше не чувствовал того саднящего комка в груди, который не давал дышать по-

сле расставания с Аней. Но вместе с ним исчезло и что-то ещё. Что-то более тонкое, неуловимое. Способность соперничать? Или способность любить вообще?

Телефон завибрировал на столе. Я взглянул на экран. Аня. Сердце пропустило удар. Я взял трубку и несколько секунд просто смотрел на её имя, высветившееся на дисплее. Потом провёл пальцем по экрану.

— Алло, — сказал я. Голос прозвучал глухо, словно сквозь вату.

— Привет, — ответила она. Голос был осторожным, но не враждебным. — Я подумала над твоим вчерашним предложением. Встретиться. Поговорить.

Я молчал, не зная, что сказать. Часть меня хотела этого. Другая часть — боялась. Я боялся, что снова почувствую боль, которую так старательно вытравливал. Боялся, что не почувствую вообще ничего.

— Максим, ты здесь? — спросила она.

— Да, — выдавил я. — Да, конечно. Буду рад тебя увидеть.

— Может, сегодня? В нашем кафе? Часов в семь?

— Давай, — сказал я. — В семь.

Она помедлила, потом сказала:

— Ты какой-то странный. Вчера звонил, извинялся, а теперь как будто тебе всё равно.

— Мне не всё равно, — ответил я, но слова прозвучали безжизненно. Я сам это услышал.

— Ладно, — вздохнула она. — Увидимся вечером.
И положила трубку.

Я откинулся на спинку стула и уставился в потолок. Аня. Она приедет. Мы поговорим. О чём? О моём безумии? О том, что мир теряет цвета, а я теряю себя? Нет, конечно. Я не смогу ей всё рассказать. Она не поверит. Да и нужно ли ей это? Нужно ли ей видеть меня таким — опустошённым, растерянным, словно я не человек, а оболочка, из которой вынули самое важное?

Я встал и пошёл в ванную. Включил воду, умылся. В зеркале на меня смотрел незнакомец. Лицо было тем же, но в нём что-то неуловимо изменилось. Глаза. В них не было прежнего блеска. Они стали матовыми, как у человека, который давно не спал. Под глазами залегли тени, которые придавали лицу измождённый вид. Я провёл рукой по щеке, ощущая колкую щетину. Нужно было побриться. Но меня охватила апатия. Стоило ли стараться ради встречи, которая, возможно, ничего не изменит?

Я всё же заставил себя привести себя в порядок. Побрился, почистил зубы, надел свежую рубашку. Это отвлекло меня от мрачных мыслей, хотя бы на время. Выходя из ванной, я бросил взгляд на полотенце, висевшее на крючке. Оно было ярко-синим. Точнее, раньше было таким. Теперь оно казалось мне выцветшим до бледно-голубого. Я сорвал его с крючка и поднёс к глазам. Ткань была мягкой, махровой, приятной на ощупь. Но цвет... Я не был уверен, что вижу его

правильно. Может, это просто освещение? Я подошёл к окну, подставил полотенце под солнечный свет. Нет, оно было не синим. Скорее серо-голубым, как пасмурное небо перед дождём.

Мне стало дурно. Я бросил полотенце на пол и выскочил из ванной. В гостиной я остановился, тяжело дыша. Сердце колотилось. В висках стучало. Я попытался взять себя в руки. «Спокойно, — сказал я себе. — Ты знал, что это произойдёт. Тень предупреждала. Синий уходит. Это уже случилось раньше. Ты справишься».

Но справиться было непросто. Я чувствовал себя запертым в ловушке, из которой нет выхода. Каждый шаг вперёд отнимал у меня частицу самого себя. Каждый возвращённый цвет делал меня более пустым. Я понимал, что это порочный круг. Чем больше я отдаю, тем больше теряю. Чем больше теряю, тем меньше остаётся человека, способного бороться.

Я сел на диван и уставился в одну точку. На стене, где вчера была тень, остался еле заметный след — тёмное пятно, похожее на копыт. Я не знал, был ли он на самом деле или это игра моего воображения. Но отчего-то этот след не давал мне покоя. Казалось, он пульсирует, дышит, наблюдает за мной.

День тянулся бесконечно. Я не мог ни работать, ни читать, ни смотреть телевизор. Всё вокруг казалось фальшивым, как будто мир был нарисован на холсте, и кто-то медленно стирал с него краски. Я вышел на улицу. Город жил своей обыч-

ной жизнью: люди спешили по делам, машины гудели, голуби клевали крошки. Но всё это было как в замедленной съёмке. И лица. Лица прохожих. Некоторые были чёткими, с выражением, с эмоциями. Другие — размытыми, как будто их замазали пальцем, пока краска ещё не высохла. Я старался не смотреть на них, но взгляд сам цеплялся за эти безликие пятна. Было в этом что-то жуткое, противоестественное. Словно ты находишься среди манекенов, которые притворяются живыми людьми.

Я дошёл до парка. Осень уже вступила в свои права: листья на деревьях были всех оттенков жёлтого, оранжевого и красного. Но красный теперь казался слишком ярким, почти кричащим. Он резал глаз, выделяясь на фоне остальных цветов. Будто кто-то взял кисть и нанёс на пейзаж мазки чистого алого цвета, не заботясь о гармонии. Это было красиво, но в то же время пугало. Я понимал, что мой мозг, лишённый синего, начинает компенсировать его отсутствие, искажая восприятие остальных цветов. Мир становился нестабильным, как настройка старого телевизора, на котором сбилась цветопередача.

Я сел на скамейку и закрыл глаза. Шум ветра, шелест листвы, далёкие голоса детей. Всё это было знакомо и успокаивало. Но внутри по-прежнему зияла пустота. Я попытался вызвать в памяти образ Ани. Её лицо. Её улыбку. Раньше это удавалось без труда. Теперь же образ расплывался, как отражение в воде, потревоженное брошенным камнем. Я ви-

дел общий силуэт, цвет волос, но не мог восстановить деталей. Родинка над губой? Кажется, была. А может, нет. Морщинки в уголках глаз, когда она смеётся? Тоже не уверен. Лицо Ани ускользало от меня, и это было самым страшным.

Я открыл глаза и встал. Нужно было что-то делать. Идти, двигаться, не давать отчаянию захватить меня. Я пошёл по аллее, разглядывая деревья. Вдруг я заметил человека, который сидел на корточках у клумбы и что-то разглядывал. Это был мужчина в старом пальто, с седыми взлохмаченными волосами. Он не был похож на садовника. Скорее на бродягу или на человека, потерявшего связь с реальностью. Он бормотал что-то себе под нос.

Я хотел пройти мимо, но что-то меня остановило. Мужчина поднял голову и посмотрел на меня. Его лицо было чётким. Слишком чётким, словно высеченным из камня. Глубокие морщины, пронзительные голубые глаза. Голубые! Я замер. Его глаза были ярко-голубыми, как летнее небо. В мире, где синий стремительно исчезал, эти глаза были как глоток свежего воздуха.

— Вы видите? — спросил он хриплым голосом, не сводя с меня взгляда.

— Что именно? — осторожно уточнил я.

— Цвета, — он усмехнулся, и в его улыбке было что-то безумное. — Они уходят. Один за другим. Сначала красный. Теперь синий. Вы замечали?

Я почувствовал, как по спине пробежал холод. Это не бы-

ло совпадением. Этот человек тоже знал. Он был таким же, как я.

— Кто вы? — спросил я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Один из забытых, — ответил он. — Один из тех, кто отказался платить. Или заплатил слишком много. Теперь уже не помню.

Он поднялся, отряхнул колени. Его движения были медленными, но плавными. Было видно, что он давно не следит за собой: пальто протёрто, ботинки стоптаны, из-под воротника торчит грязный шарф. Но в его глазах горел огонь. Тот самый огонь, которого, как я начал опасаться, больше не было во мне.

— Что вы имеете в виду? — спросил я, делая шаг к нему.

— Как это — отказались платить? Вы тоже видели тень?

При слове «тень» мужчина вздрогнул. В его взгляде промелькнул страх.

— Не произносите это вслух, — прошептал он, озираясь.

— Она услышит.

— Кто — она? — я нахмурился. — Тень?

Он схватил меня за руку. Пальцы у него были холодные и костлявые, как у птицы.

— Тише. Не называйте её. Она приходит, когда её зовут. Или когда ей нужно. А зовут её только в одном случае.

— В каком?

— Когда человек готов отдать то, что она просит. Вы готовы?

Я не знал, что ответить. Вчера я думал, что готов. Сегодня — уже не был уверен.

— Я не понимаю, о чём вы, — сказал я, хотя сам понимал слишком хорошо.

Мужчина отпустил мою руку и отступил на шаг. Его взгляд стал печальным.

— Понимаете, — сказал он тихо. — Вы всё понимаете. Просто не хотите себе признаться. Она уже взяла у вас что-то. Я вижу это по вашим глазам. По вашей ауре. Вы теперь не такой, как раньше. В вас дыра. И она будет расти.

— Как её остановить? — вырвалось у меня.

Мужчина покачал головой.

— Не знаю. Я не смог. А вы? Может, и сможете. Но для этого нужно узнать её правила.

— Какие правила?

Он наклонился ко мне, и я почувствовал запах перегара и сырости.

— Тень не может брать просто так. Она должна предложить сделку. Вы соглашаетесь — она берёт. Вы отказываетесь — она уходит. Но если вы откажетесь, цвет, который уже начал исчезать, пропадёт навсегда. Безвозвратно. Понимаете?

Я понимал. Это была ловушка. Тень предлагала выбор, но на самом деле выбора не было. Если не соглашаться, мир потеряет цвет. Если соглашаться — ты потеряешь себя.

— Вы смогли отказаться? — спросил я.

Мужчина снова усмехнулся, но уже невесело.

— Да. От некоторых сделок. Но заплатил другим. Теперь я вижу только оттенки серого. Иногда — голубой. Ваши глаза, например. Они у вас красивые. Были. Теперь тускнеют.

Он протянул руку и коснулся моего виска. Я не отстранился. Прикосновение было неожиданно мягким, почти нежным.

— Берегите себя, — сказал он. — И не заключайте сделок сгоряча. Обдумывайте каждую. Она хитра. Она знает, что предложить.

С этими словами мужчина повернулся и пошёл прочь. Я смотрел ему вслед, пока он не скрылся за поворотом аллеи. Его последние слова звучали в моей голове, как заклинание.

До встречи с Аней оставалось несколько часов. Я ходил по городу, размышляя над словами незнакомца. Было ли это правдой? Или он просто сумасшедший, каких много на улицах? Но его глаза... Они действительно были голубыми. И он знал о тени. Знал о цветах. Знал о сделках. Это не могло быть совпадением.

Я зашёл в кафе, заказал чай, сел за столик в углу. Достал из кармана блокнот и ручку, которые всегда носил с собой. Начал записывать всё, что знал о тени. Это помогало структурировать мысли, увидеть картину целиком.

Пункт первый: тень появляется, когда исчезает очередной цвет.

Пункт второй: она предлагает сделку — вернуть цвет в

обмен на что-то нематериальное.

Пункт третий: отказываться нельзя, иначе цвет пропадёт навсегда.

Пункт четвёртый: каждая сделка оставляет после себя пустоту в душе.

Пункт пятый: чем больше сделок, тем меньше от меня остаётся.

Я перечитал написанное и вздохнул. Это была не игра. Это была война, которую я вёл против самого себя. Или против тени. Или против самой сути этого мира, которую я не понимал.

Я допил чай и вышел. На улице сгущались сумерки. Я пошёл к месту встречи — в кафе «Восьмая чашка», где мы с Аней часто сидели раньше. Это было уютное место с деревянными столами, старыми лампами и запахом свежей выпечки. Я пришёл на двадцать минут раньше и занял столик у окна. Из колонок играла тихая мелодия, что-то из старой французской эстрады. Я нервничал. Вспоминал, как выглядела Аня. Пытался восстановить в памяти её черты. Но лицо по-прежнему ускользало.

Она пришла в семь. Я увидел её через окно ещё до того, как она вошла. Она была в бежевом пальто, с распущенными волосами. Когда она подошла ближе, я заметил, что её лицо... размыто. Не полностью, но черты были какими-то смазанными, как будто я смотрел на неё сквозь запотевшее стекло. Я зажмурился, потёр глаза. Не помогло. Тогда я по-

старался сосредоточиться. Вспомнить её улыбку, её голос, её запах. Медленно, как пазл, черты начали проступать. Глаза, нос, губы. Я выдохнул с облегчением. Это работало. Память о ней помогала удерживать её образ.

Аня вошла в кафе, огляделась, увидела меня и улыбнулась. Улыбка была тёплой, но какой-то грустной. Она подошла к столику, сняла пальто, повесила на спинку стула.

— Привет, — сказала она, садясь напротив.

— Привет, — ответил я. — Спасибо, что пришла.

— Не стоило благодарности. Я хотела тебя увидеть. Правда.

Она изучала моё лицо. Я чувствовал её взгляд, и мне было не по себе. Я боялся, что она заметит произошедшие во мне перемены.

— Ты похудел, — сказала она. — И глаза у тебя какие-то... уставшие. Ты плохо спишь?

— Нормально, — соврал я. — Просто много работы.

Она кивнула, но по её виду было понятно, что она не поверила. Подошла официантка. Мы заказали по чашке капучино и по куску яблочного пирога. Пока ждали заказ, мы молчали. Неловкое молчание висело в воздухе, как густой туман.

— Максим, — начала Аня, — я много думала о твоём звонке. О том, что ты извинился. Это было неожиданно.

— Я был не прав, — сказал я, глядя на стол. — Я вёл себя как идиот. Ты не заслужила этого.

— Ты меня обидел, — тихо проговорила она. — Очень.

Я не могла понять, что случилось. Мы были так близки, а потом ты просто... исчез. Перестал звонить, перестал писать. А когда я звонила, ты сбрасывал.

Я помнил это. Помнил, как смотрел на экран телефона и не мог заставить себя ответить. Помнил, как боль и гордость сплелись в тугой узел, который не давал дышать. Но теперь та боль ушла. От неё осталось лишь воспоминание, бледное, как выцветшая фотография.

— Я был дураком, — сказал я. — Мне нет оправдания. Я просто хочу, чтобы ты знала: я понимаю это.

Аня вздохнула. Она положила руки на стол, ладонями вверх. Я смотрел на эти руки и не чувствовал ничего. Раньше от одного их вида у меня теплело в груди. Теперь же только пустота.

— Я не знаю, сможем ли мы вернуть то, что было, — сказала она. — Но я готова попробовать. Если ты действительно этого хочешь.

— Хочу, — сказал я, но голос мой прозвучал механически.

Аня пристально посмотрела на меня.

— Ты уверен? Ты говоришь это так, будто читаешь с листа.

Я смутился. Она всегда была проницательной. От неё ничего нельзя было скрыть.

— Просто я устал, — сказал я. — Правда, Ань. Последние дни были... тяжёлыми.

— Что случилось?

Я хотел рассказать ей. Открыться. Поделиться безумной историей о тени и цветах. Но слова застревали в горле. Я боялся, что она сочтёт меня сумасшедшим и уйдёт. И тогда я потеряю её навсегда.

— Ничего такого, — выдавил я. — Просто навалилось всё разом.

Официантка принесла кофе и пирог. Мы пили молча. Аня смотрела на меня с тревогой. Я видел это по её глазам. По морщинке между бровями. По тому, как она нервно крутила ложку в чашке.

— Максим, — наконец произнесла она, — ты можешь мне не рассказывать, если не хочешь. Но, пожалуйста, не ври. Я чувствую, что что-то не так.

Я отставил чашку. Поднял на неё глаза. И вдруг увидел, как её лицо снова начало расплываться. Черты поплыли, как отражение в воде. Я моргнул. Снова моргнул. Не помогло. Её лицо стало белым пятном, на котором я не мог разглядеть ни глаз, ни рта. Меня захлестнула паника.

— Аня, — прошептал я. — Аня, посмотри на меня.

— Я смотрю, — ответила она. — Что случилось? Ты побледнел.

Её голос был прежним. Но лицо... Лицо исчезло. Я не мог этого вынести. Я вскочил из-за стола.

— Мне нужно выйти, — пробормотал я. — Я сейчас вернусь.

И бросился к выходу, не дожидаясь ответа.

На улице я прислонился к стене и сделал несколько глубоких вдохов. Холодный воздух обжёг лёгкие. Сердце колотилось как бешеное. Я закрыл глаза и попытался восстановить образ Ани. Вспомнить её глаза, её улыбку, её родинку. Постепенно, с огромным усилием, лицо вернулось. Я открыл глаза. Мир вокруг был прежним, но я знал: это ненадолго. Синий уходил, забирая с собой не только цвет неба, но и способность различать лица близких.

Я вернулся в кафе. Аня сидела на месте, встревоженная. Её лицо снова было чётким. Я сел напротив.

— Прости, — сказал я. — Мне стало нехорошо. Наверное, давление.

— Ты меня пугаешь, — сказала она. — Может, тебе к врачу?

— Я в порядке. Правда.

Она не поверила. Я видел это. Но не настаивала.

Мы просидели в кафе ещё полчаса. Разговаривали о простых вещах: о работе, о погоде, о наших общих знакомых. Я старался быть внимательным, задавать вопросы, поддерживать беседу. Но мыслями я был далеко. Тень. Цвета. Пустота. Всё это крутилось в голове, не давая сосредоточиться.

Когда мы прощались, Аня обняла меня. Я обнял её в ответ. Она была тёплой, живой, настоящей. Но я не чувствовал ничего. Только механическое движение рук. И это было ужасно. Раньше её объятия были для меня источником сча-

стья. Теперь — просто прикосновение.

— Я позвоню тебе, — сказала она, отстраняясь. — И ты звони, если что.

— Хорошо, — ответил я.

Она ушла. Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась за углом. Потом повернулся и побрёл домой.

Вечер был холодным. Я шёл по пустым улицам, засунув руки в карманы. Город окутал туман. Фонари горели тусклым жёлтым светом, который казался неестественно ярким на фоне сумерек. Я смотрел на небо. Оно было тёмно-серым, почти чёрным. Синего цвета не было. Совсем. Вместо него — бесконечная серость, простиравшаяся от горизонта до горизонта.

Дома я не стал включать свет. Прошёл в гостиную, сел в кресло, уставился в окно. Луна вынырнула из-за туч. Её свет был холодным, белым, безжизненным. Я думал о незнакомце из парка. О его словах. О правилах игры. О сделках.

И тут я снова её увидел. Тень. Она стояла в углу комнаты, как всегда. Высокая, тёмная, с едва различимыми очертаниями. В её груди не было красного пятна. Вместо него зияла пустота. Но в руке... В руке она держала нечто, напоминающее сгусток синего света. Он переливался, пульсировал, как крошечная звезда.

— Синий, — прошептал я.

«Синий», — эхом отозвался шёпот.

— Ты хочешь, чтобы я вернул его?

«Отдай».

Я сжал подлокотники кресла.

— Что на этот раз? Что ты хочешь забрать?

Тень медленно подняла свободную руку и указала на моё горло. На голос. На способность говорить.

— Голос? — я усмехнулся. — Ты хочешь, чтобы я отдал голос?

Тень не ответила. Она просто стояла и смотрела на меня. Вернее, я не видел её глаз, но чувствовал взгляд.

— Это нечестно, — сказал я. — Как я буду общаться с людьми?

«Отдай страх говорить», — прошелестел голос.

Я замер. Страх говорить. Страх высказывать свои мысли. Страх быть непонятым. Именно этот страх мешал мне позвонить Ане все эти месяцы. Именно он заставлял меня молчать, когда нужно было говорить.

— Ты хочешь, чтобы я отдал страх? — уточнил я.

Тень кивнула. Или мне показалось, что кивнула.

Это было странное предложение. Отдать страх — разве это плохо? Разве не станет мне легче, если я перестану бояться говорить? Но что-то внутри меня противилось. Я помнил слова незнакомца: «Она хитра. Она знает, что предложить».

Страх говорить — это не просто слабость. Это часть меня. Он сформировал меня таким, какой я есть. Он заставлял меня думать, прежде чем сказать. Он оберегал меня от глупых поступков. Если я отдам его, кем я стану? Безрассудным

болтуном, который не может вовремя остановиться? Или человеком, который наконец-то сможет высказать всё, что накопилось?

Я колебался. Тень ждала. Синий сгусток в её руке пульсировал всё быстрее.

— А если я откажусь? — спросил я.

«Тогда синий исчезнет навсегда. Ты больше никогда не увидишь небо. Не увидишь море. Не увидишь глаза тех, кого любишь».

Последние слова ударили как нож. Глаза Ани. Они были карими, но в них были синие вкрапления. Если синий исчезнет, я не смогу увидеть и их. Я не смогу увидеть её лицо. Она станет для меня безликой тенью.

— Я согласен, — выдохнул я.

Тень шевельнулась. Сгусток синего света в её руке вспыхнул ярче. И в тот же миг я почувствовал, как из моей груди что-то вытягивают. Это было не больно, но очень неприятно. Словно из меня выдёргивали невидимую нить, которая связывала меня с самим собой. Я зажмурился. В ушах зазвенело. Когда я открыл глаза, тень была уже ближе. Она стояла в метре от меня, и в её руке больше не было синего сгустка. Вместо него в воздухе висело нечто, похожее на клубок серого тумана. Это был мой страх. Мой страх говорить.

Тень сжала его в ладони, и он исчез. Затем она отступила назад, в угол, и растворилась в темноте.

Я остался один. В комнате было тихо. Я глубоко вздохнул.

Внутри что-то изменилось. Я не мог понять, что именно. Потом я встал, подошёл к окну и посмотрел на небо. Оно было тёмным, но в просветах между тучами я увидел... синеву. Слабую, едва уловимую, но настоящую. Синий возвращался.

Я хотел закричать от радости, но не издал ни звука. Я хотел заплакать, но слёзы не пришли. Я хотел позвонить Ане и сказать ей, как сильно я её люблю, но вдруг понял, что не чувствую этой любви. Вообще ничего не чувствую.

Сделка состоялась. Я вернул синий, отдав взамен страх говорить. Но вместе со страхом ушло и что-то ещё. Что-то, что делало мои слова живыми, тёплыми, искренними. Теперь я мог говорить всё, что угодно, не опасаясь последствий. Но мои слова стали пустыми. Как и моя душа.

Я сел обратно в кресло и уставился в темноту. Где-то там, в углу, ещё витал едва уловимый запах озона. Тень ушла, но я знал: она вернётся. И следующий цвет, который она потребует, будет стоять мне ещё дороже.

А пока я сидел в темноте, слушал тишину и понимал, что стал на один шаг ближе к тому, чтобы перестать быть человеком. И, возможно, на один шаг дальше от того, чтобы спасти себя.

Глава 3. Жёлтый шёпот

Тишина больше не была тишиной. Она обрела плотность, вес, фактуру. Она обволакивала меня, как холодная вода, и давила на барабанные перепонки, хотя вокруг не раздавалось ни единого звука. Я сидел в кресле в полной темноте и слушал эту новую, чудовищную тишину. Раньше я боялся говорить. Теперь я не боялся ничего, но и сказать было нечего. Страх, покинувший меня, унёс с собой не только робость перед словами. Он унёс и сами слова, которые могли бы иметь значение. Осталась только оболочка — звуки, которые можно произнести, но которые ничего не весят.

Я поднял руку и поднёс её к лицу. В темноте я не видел собственных пальцев, но чувствовал их лёгкое прикосновение к щеке. Кожа была тёплой. Значит, я всё ещё жив. Значит, сердце всё ещё гонит кровь по сосудам, лёгкие всё ещё наполняются воздухом. Но что-то внутри меня умерло. Или уснуло. Или ушло, оставив после себя ледяную пустоту, в которой не было ни отголосков прошлого, ни предчувствий будущего.

Я не знал, сколько времени просидел так. Минуты, часы, вечность. В комнате было темно, но за окном, за тонкой занавеской, начинало сереть. Близился рассвет. Я заставил себя встать. Ноги затекли, колени хрустнули. Я прошёл на кухню, включил свет. Лампа под потолком мигнула, зажглась, и

я зажмурился от резкой вспышки. Свет был неестественно жёлтым. Тёплым, почти оранжевым, как старые лампы накаливания, хотя в потолке стояла обычная энергосберегающая лампа, которая всегда давала холодный белый оттенок.

Я посмотрел на лампу. Она гудела едва слышно, как назойливое насекомое. Жёлтый. Этот цвет был повсюду. Кухонные полотенца, которые когда-то были бежевыми, теперь казались горчичными. Кафельная плитка на стене, прежде светло-серая, отливала тёплой охрой. Даже вода из-под крана, когда я повернул вентиль, показалась мне слегка желтоватой, словно в неё добавили несколько капель лимонного сока.

Я набрал полный чайник, поставил на плиту. Огонь вспыхнул синим, но синий теперь был не просто синим. В нём появился едва уловимый фиолетовый отблеск, как будто кто-то подмешал в него чернила. Я не знал, хорошо это или плохо. Мир продолжал меняться, и эти перемены были подобны медленному сползанию в глубокий колодец, из которого не было выхода.

Заварив кофе, я сел за стол и обхватил чашку ладонями. Тепло обжигало. Я сделал глоток. Вкус показался мне пресным, хотя я добавил две ложки сахара. Сладость не ощущалась. Горечь тоже. Только горячая вода, обжигающая язык и нёбо. Я отставил чашку. Внутри меня нарастало странное чувство, похожее на тревогу, но лишённое эмоциональной окраски. Как будто в моей голове сработал сигнал тревоги,

но я не слышал его. Я просто знал: что-то не так. Что-то ушло. И что-то новое пришло ему на смену.

На столе всё ещё лежал мой список. Я взял его и перечитал. Слова «страх говорить» были перечёркнуты. Рядом с ними я, не помня, когда именно, написал: «голос стал пустым». Я вглядывался в эти строки, и они казались мне не моими. Словно их написал кто-то другой — тот, прежний я, который ещё умел чувствовать. Тот, кто боялся, сомневался, страдал. Тот, кто был живым.

Я захотел позвонить Ане. Просто чтобы услышать её голос. Не ради разговора, а ради подтверждения, что она существует, что мир за пределами моей пустой квартиры продолжает вращаться. Я взял телефон, нашёл её номер. Палец завис над кнопкой вызова. Я не боялся звонить. Страх ушёл. Но я не мог понять, зачем мне это нужно. Какой смысл? Я не чувствовал к ней ни любви, ни тоски, ни сожаления. Только холодное любопытство, как учёный, разглядывающий под микроскопом незнакомый организм.

Я нажал на вызов. Гудки. Один, второй, третий. Она ответила на четвёртом.

— Максим? — её голос был сонным, слегка охрипшим. — Ты с ума сошёл? Семь утра.

— Привет, — сказал я. Голос мой прозвучал ровно, без интонаций. — Я просто хотел услышать твой голос.

В трубке повисла пауза. Я слышал её дыхание, лёгкий шорох простыней.

— Ты пьян? — спросила она.

— Нет. Я трезв. Я просто хотел тебя услышать.

— Максим, ты меня пугаешь, — её голос стал напряжённым. — Вчера ты был странным, сегодня звонишь ни свет ни заря и говоришь каким-то... безжизненным тоном. Что с тобой?

— Ничего, — ответил я. — Всё в порядке.

— Ты понимаешь, что это звучит неубедительно?

Я молчал. Я не знал, что ответить. Слова не складывались в предложения, которые могли бы передать то, что я чувствовал. Или не чувствовал. Я не мог объяснить ей, что внутри меня больше нет страха, но и любви тоже нет. Что я стал пустой оболочкой, способной только произносить звуки.

— Максим, — сказала она уже мягче, — может, тебе правда обратиться к врачу? Я волнуюсь.

— Не нужно, — ответил я. — Со мной всё в порядке. Извини, что разбудил.

И я сбросил вызов. Просто так. Без сожаления, без чувства вины. Я положил телефон на стол и уставился в стену. На стене, в углу, где обычно появлялась тень, было пусто. Только старые обои с выцветшим узором. Я смотрел на них и думал о том, что со мной происходит. Я теряю не только цвета, но и способность к нормальному человеческому общению. Страх, который я отдал тени, был не просто страхом говорить. Это был страх быть уязвимым, быть отвергнутым, быть непонятым. Он был моим щитом, моим фильтром, мо-

ей защитой. Теперь его не стало. И вместе с ним ушла и способность сопереживать. Я стал холодным, расчётливым, равнодушным. И это было страшно.

Я встал из-за стола, оделся и вышел из дома. Мне нужно было двигаться. Ходить, смотреть, вдыхать воздух. Утро было прохладным, но уже чувствовалось дыхание осени. Листья на деревьях были окрашены в яркие оттенки жёлтого и оранжевого. Особенно жёлтого. Он резал глаз, как кислотное пятно на чёрном бархате. Я шёл по улице и ловил на себе взгляды прохожих. Мне казалось, что они смотрят на меня как-то странно. Слишком пристально. Слишком осуждающе. Но я не был в этом уверен. Может быть, это моя паранойя, вызванная бессонницей и нервным истощением.

Я дошёл до парка. Того самого, где вчера встретил незнакомца с голубыми глазами. Сегодня парк был пуст. Только редкие собачники выгуливали своих питомцев. Я сел на ту же скамейку и огляделся. Деревья, дорожки, пруд вдалеке. Всё было покрыто золотистой дымкой. Жёлтый цвет был повсюду. Он заполнял пространство, вытесняя остальные оттенки. Я закрыл глаза и попытался вспомнить, каким был этот парк раньше. Зелёным? Да, зелёным. Но зелёный тоже начал меняться. Он стал более тёмным, более мрачным, как будто листва впитала в себя тень.

Когда я открыл глаза, рядом со мной на скамейке сидела женщина. Я не слышал, как она подошла. Не слышал её шагов. Она появилась бесшумно, как призрак. На ней бы-

ло то самое красное пальто. Точнее, то, что когда-то было красным. Теперь оно было тёмно-бордовым, почти чёрным. Женщина сидела, выпрямив спину, и смотрела прямо перед собой. Её лицо было размытым. Не полностью, но достаточно, чтобы я не мог разглядеть её черты. Только общий овал, угадываемые контуры носа и подбородка.

— Это снова ты, — сказал я тихо.

Она не пошевелилась.

— Ты следишь за мной? — спросил я.

Женщина медленно повернула голову в мою сторону. Я снова почувствовал тот пронзительный взгляд, который проникал под кожу, в самое нутро.

— Ты теряешь себя, — произнесла она. Голос был негромким, но я слышал его так ясно, словно она говорила мне прямо в ухо. — Сделки с тенью не проходят бесследно.

— Я знаю, — сказал я. — Я уже понял.

— Нет, — она покачала головой. — Ты не понял. Ты думаешь, что отдал только страх. Но вместе с ним ушло нечто большее. То, что ты не можешь осознать.

— Что именно? — я повернулся к ней всем корпусом.

— Ты отдал свою способность к привязанности, — сказала она. — Тень всегда берёт больше, чем обещает. Она не лжёт, но и не говорит всей правды. Страх говорить был не просто страхом. Это был твой способ чувствовать близость. Бояться за кого-то. Бояться потерять. Теперь ты свободен от этого. И потому пуст.

Меня будто ударили под дых. Я смотрел на неё, не в силах вымолвить ни слова. Она была права. Та пустота, которую я ощущал, была не просто отсутствием эмоций. Это было отсутствие связи. С Аней, с людьми, с миром. Я стал изолированным островом, отрезанным от материка человеческих чувств.

— Почему ты мне это говоришь? — спросил я, когда вновь обрёл способность дышать.

— Потому что ты должен знать, с чем имеешь дело, — ответила она. — Ты не первый. И не последний. Но у тебя есть шанс.

— Какой шанс? — в моём голосе прозвучала горькая усмешка.

— Шанс не потерять себя до конца. Если ты поймёшь правила игры, ты сможешь выбирать, что отдавать, а что сохранить. Но для этого нужно научиться видеть не только цвета, но и то, что за ними.

Я хотел спросить, что она имеет в виду, но женщина вдруг встала. Движения её были плавными, но какими-то неестественными, как у марионетки, которую дёргают за ниточки.

— Сегодня ночью, — сказала она, — тень придёт снова. Она предложит тебе вернуть жёлтый.

— Жёлтый? — я нахмурился. — Разве он исчезает?

Женщина повернулась ко мне спиной. Красное пальто взметнулось от порыва ветра.

— Присмотрись к миру вокруг. Жёлтый уже начал гас-

нута. Ты просто не замечал этого, потому что был занят своей пустотой.

С этими словами она пошла прочь по аллее. Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. Потом перевёл взгляд на листья. Они были жёлтыми, да. Но, приглядевшись, я заметил, что их оттенок стал бледнее, чем несколько минут назад. Будто кто-то медленно выкручивал яркость, понижая насыщенность цвета. Жёлтый уходил. Следующий.

Я встал со скамейки и пошёл домой. Ноги сами несли меня по знакомым улицам, но я не замечал пути. В голове крутились слова женщины: «Тень всегда берёт больше, чем обещает». Что она возьмёт на этот раз? Что ей предложить? Что я могу отдать, не потеряв себя окончательно?

Дома я запер дверь и задёрнул шторы. В комнате воцарился полумрак. Я сел на пол, прислонившись спиной к дивану, и закрыл глаза. Мне нужно было подумать. Нет, не подумать. Мне нужно было почувствовать. Но чувств не было. Осталось только логическое мышление, холодное и безжалостное.

Я начал анализировать. Красный исчез, когда я испытывал боль из-за Ани. Чтобы вернуть его, я отдал эту боль. Синий исчез, когда я молчал, когда не мог выразить свои чувства словами. Чтобы вернуть его, я отдал страх говорить. Теперь исчезает жёлтый. С чем он связан? Жёлтый — цвет тепла, радости, света. Цвет солнца, улыбок, детства. Если он уходит, значит, я теряю что-то, связанное с этими понятиями.

ми. Что именно?

Я открыл глаза и посмотрел на свои руки. Они были всё теми же — с длинными пальцами, с несколькими шрамами, с обручальным кольцом, которое я так и не снял после расставания с Аней. Кольцо было золотым. Оно слабо блестело в полумраке. Золото — это тоже жёлтый. Я стянул кольцо с пальца и поднёс к глазам. Оно было тёплым от моей кожи. Внутри была гравировка: «Навсегда». Я помнил, как мы покупали эти кольца. Как смеялись, выбирая. Как Аня плакала от счастья, когда я надел ей её кольцо. Но теперь эти воспоминания были тусклыми, как старые фотографии, выцветшие от времени. Я не чувствовал ни радости, ни грусти. Только смутное узнавание.

Жёлтый — это радость. Я теряю радость. И тень потребует её вернуть. Но как можно отдать радость, если она и так исчезает? Может, нужно отдать что-то другое? Что-то, что стоит за радостью? Надежду? Веру? Воспоминания?

Я надел кольцо обратно. Потом встал, подошёл к книжной полке, вытащил старый альбом с фотографиями. Сел с ним на диван, открыл. Вот мои родители. Молодые, улыбающиеся. Мама в жёлтом платье, отец в светлой рубашке. Они стоят на берегу моря, держатся за руки. У мамы в волосах белая заколка. Это было задолго до моего рождения. Я смотрел на эту фотографию и пытался воскресить в себе те чувства, которые она когда-то вызывала. Нежность. Грусть. Любовь. Но ничего не было. Только картинка, плоская и безжизненная.

Я перелистывал страницы. Детство. Вот я в жёлтой панамке, копаюсь в песочнице. Вот я на велосипеде, счастливый, с разбитой коленкой. Вот я с Аней. Мы смеёмся, едим мороженое. Всё это было моё. Моё прошлое. Моя жизнь. Но теперь казалось, что это жизнь какого-то другого человека. Чужого. Незнакомого.

Я закрыл альбом. По моим щекам текли слёзы. Я не чувствовал, как они потекли. Просто заметил, что лицо мокрое. Я коснулся щеки, посмотрел на пальцы. Солёная влага. Слёзы. Но без эмоций. Как дождь на оконном стекле.

Я отложил альбом и лёг на диван. Время тянулось медленно, как густой сироп. Я то проваливался в дрему, то снова выныривал в реальность, наполненную полумраком и тишиной. Иногда мне казалось, что в комнате кто-то есть. Я слышал шорох, лёгкое дыхание, но, оборачиваясь, никого не видел. Только тени на стенах, причудливые и зловещие.

Ближе к полуночи я окончательно проснулся. В комнате было темно. Только уличный фонарь за окном отбрасывал на пол бледный прямоугольник света. Я сел, прислушался. Тишина была абсолютной. Даже холодильник молчал. Даже ветер за окном не шелестел. Мир замер, как перед грозой.

И тогда я её увидел. Она стояла в дверном проёме, высокая и тёмная, как сгусток чёрного дыма. Тень. Она пришла. Её очертания были размытыми, но я различал вытянутые конечности, узкую талию, голову, склонённую набок. В её груди не было светящегося пятна. Вместо него — глубокая чер-

нота, которая, казалось, впитывала в себя весь свет.

— Ты пришла, — сказал я. Мой голос не дрожал. Я не чувствовал страха. Вообще ничего не чувствовал.

Тень шевельнулась. Её рука поднялась и указала на окно. Я перевёл взгляд. За окном, на фоне ночного неба, я увидел луну. Она была бледной, почти белой, без привычного золотистого оттенка. Жёлтый свет луны угас. Теперь она была похожа на холодный фарфоровый диск.

— Жёлтый, — произнёс я.

«Ты знаешь, зачем я здесь», — раздался шёпот. Он не имел источника, но я слышал его каждой клеткой тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.